

«Живем как будто в половодье...»

Как хочется наверняка!»

Булат Окуджава в гостях у «Труда»

Песни Окуджавы вошли в жизнь едва ли не каждого из нас. Многолетняя популярность его уникальна. Это, можно сказать, для многих и многих неотъемлемый компонент духовной культуры. И вот Булат Шалвович в редакции. Он согласился отвечать на любые вопросы — о себе и стране, о жизни и творчестве. К беседе никто заранее не готовился, но она получилась живой, заинтересованной, в чем-то исповедальной. Конечно, обо всем, что говорилось, на небольшой газетной площади не расскажешь, но мы постарались сохранить атмосферу, самое существенное...

— Окуджава — известный писатель. Он участник войны, победной при всех немалых потерях. Даже день рождения у него выпал на 9 мая. А чувствует ли он себя в жизни победителем? Или довлеет груз несбывшихся замыслов, утрат, поражений?..

О ПОБЕДАХ И ПОРАЖЕНИЯХ

— Состоялась ли жизнь? Чего больше — побед или поражений? Трудно ответить на этот вопрос: я наполовину грузин и в силу характера отношусь к себе несколько легкомысленно, никогда не умел себя анализировать. И все-таки надеюсь, что за почти сорок лет литературной работы осуществил что-то из предназначенного мне. Естественно, как всякий нормальный литератор, я собой не удовлетворен, считаю, что главное — впереди. Вот пишу, испытываю наслаждение, даже восхищаюсь... Но стоит поставить точку, как все это кончается и вижу одни недостатки. Я никогда себя не переоценивал, никогда не обольщался на свой счет, хотя в юности был очень тщеславным.

Помню, было мне лет двенадцать, я, как всякий ребенок, пописывал стишки, и тетка, у которой я жил в Тбилиси, все вре-

мя говорила, что я гений. А однажды и дядя-бухгалтер спросил: а почему бы тебе не издать книжку стихов? Я подумал: действительно, почему? И пошел в Союз писателей. Лето, жара чудовищная, пусто. Только в кабинете председатель союза Симон Чиковани в каких-то бумагах рылся. Я говорю: хотел бы издать книжку своих стихов. Он на меня очень странно посмотрел, я только теперь понимаю его недоумение. Это было бы замечательно, отвечает как-то растерянно, только, знаете, у нас нет бумаги. Тогда я сказал: у меня дядя — бухгалтер, я с ним поговорю. И пошел домой. Сидим, обещаем, и рассказываю дяде, вот, мол, говорил насчет книжки, только у них нет бумаги. А сколько нужно, спрашивает, килограмма три смогу тебе доставить. На следующий день пошел я снова в союз, но Чиковани, на его счастье, там не было.

А потом научился иронически к себе относиться и теперь понимаю, что это очень важно не только в литературной работе.

(Окончание на 4-й стр.)

«ЖИВЕМ КАК БУДТО В ПОЛОВОДЬЕ. КАК ХОЧЕТСЯ НАВЕРНЯКА!»

(Начало на 1-й стр.)

но и в журналистской, учительской, да и любой другой. Как начинались мои песни? Написал какое-то шуточное стихотворение, и оно лежало в столе. А потом пришли друзья — Белла Ахмадулина, кажется, Женя Евтушенко, Михаил Луконин. Поговорили, немного выпили. Я тогда только научился на гитаре трем аккордам, вот и напел это стихотворение на случайную мелодию. Все были в восторге, а я — просто счастлив... Но, в общем, к песням я всегда относился как к хобби. А сейчас не пишу их, меня это просто перестало интересовать, вроде бы все мелодии, которые мог, уже сочинил. Стихи — вот для меня главное. Они пишутся, хочу я этого или не хочу, дома, в гостях, в машине. Пишу и прозу — написал немало, — но все равно чувствую себя начинающим прозаиком. А в поэзии я профессионал, хороший или плохой — не мне судить, но профессионал.

Тут что-то из нас решил поспорить: мол, мы тоже в какой-то мере разбираемся в поэзии и понимаем, что стихи, песенная лирика — это громадная, состоявшаяся работа, а ваша роль в поэзии... Булат Шалвович деликатно перебил: «Мне очень приятно за Окуджава это слышать, но я другой человек...» И еще один вопрос был: чувствовал ли поэт бремя цензуры? Не очень, признался Окуджава, больше редакторы донимали, впрочем, это тоже цензура. И рассказав:

— Однажды со ссылкой на цензуру возмарились выбрать из моего романа один эпизод. Я сказал — нет. Была небольшая паника в издательстве, начались переговоры — в конце концов пошли на попятную. А эпизод был такой. Екатерина II поручила восемнадцатилетнему наследнику Павлу Петровичу написать доклад о состоянии Российской империи. Он написал, что Россия — бедная страна, ей нужно вывести войска из Европы, сократить армию вдвое и заняться штопаньем своих прорех. Екатерина посмеялась над наследником, порвала этот доклад и сказала, что он еще слишком глуп и не понимает, что победы воспитывают нацию... Вот что боялись пропускать, однако пропустили, и ничего не случилось.

ВОЙНА

— Я закончил девятый класс, когда началась война. Как и многие сверстники, отчаянно рвался на фронт. Вместе с дру-

гом мы каждый день наведывались в военкомат. Там давали повестки и просили разнести по домам, а вас, говорили, мы завтра отправим. Наконец капитан не выдержал: «Пишите себе повестки сами, у меня рука не поднимается это сделать». Мы и написали и отнесли: друг — ко мне, я — к нему...

«...Иду себе, играю автоматом, как просто быть солдатом, солдатом!..» — писал я в одном стихотворении. Это, естественно, ирония, потому что, пройдя войну, я понял — она противостоит естественной, отнимает у человека природой данное право на жизнь, в любом случае кровь остается кровью, смерть — смертью. До сих пор вижу во сне погибших товарищей, развороченную воронками землю. Я вспоминаю собственную солдатчину не только с юмором, но порой и с ужасом:

Ах, что-то мне не верится,
что я, брат, воевал,
а может, это школьник меня
нарисовал.

Я ручками размахиваю,
я ножками сучу,
и победить рассчитываю,
и уцелеть хочу.

Ах, что-то мне не верится,
что я, брат, убивал,
а может, просто вечером
в кино я побывал.
И не хватал оружие,
чужую жизнь круша.
И руки мои чистые,
и праведна душа.

Ах, что-то мне не верится,
что я не пал в бою,
а может быть,

подстреленный
давно живу в раю.
И кудри там, и рожи там,
и кудри по плечам,
а эта жизнь прекрасная
лишь снится по ночам.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВРЕМЯ

— Роль интеллигенции сегодня? Я много думал на эту тему. Не секрет, что настоящей интеллигенции у нас кот наплакал. Немудрено — все эти годы она попросту уничтожалась или подавлялась. А то, что называем интеллигенцией, — это в общем-то «образованцы», как очень точно назвал их Солженицын. Мы немного по-большевистски продолжаем трактовать это понятие, воспринимаем интеллигентность как профессию, а это состояние души. Может быть рабочий человек интеллигентом, и может академик «жлобом».

— Булат Шалвович, в пе-

чати много пишут, что в это трудное время интеллигенция по существу нас бросила. Коротич прописался в Америке, Евтушенко не выезжает из-за рубежа. Получается, что либеральная интеллигенция, которая много сил приложила к тому, чтобы произвести в нашем обществе эту тихую революцию, прыгнула с корабля, который плывет неведомо куда?

— По-моему, интеллигенция не может «прыгнуть с корабля». Я же говорю, у нас просто мало интеллигенции, не в состоянии она сегодня, к сожалению, быть ведущей. Можно было быть в оппозиции, можно не соглашаться, провозглашать свое отвращение к тому, что было. А научить, как жить? Нет, интеллигенты не могут. Они и сейчас продолжают свою деятельность, каждый в меру своих сил и способностей. Но в будущем океане безумия их голоса, к сожалению, просто не слышны. Смотрел недавно по телевизору передачу, там тон задавали Астафьев и Константинов. Они ведь тоже себя считают интеллигентами. Только какие они интеллигенты, если зовут к насилию? Вот толпа шумит на митинге. Большинство состоит из невежественных неудачников или людей, обремененных трудностями жизни. Но возбуждают-то их несколько прохиндеев, причем ради своих корыстных интересов. Интеллигенты так не могут поступать. Интеллигент терпим к инакомыслию, интеллигент не признает насилия. Кстати, и Владимир Ильич был «образованцем», иначе не поднял бы на щит насилие...

Какие чувства вызывают такие митинги? Честно говорю, просто ошарашен ими. За 75 лет мы сами создали «нового человека», и вот теперь он перед нами. Когда-то была палка, и сидели тихо. Теперь палку убрали, и все наружу. Говорят: нужна сильная рука, нужен жесткий режим. Я согласен. Но, к сожалению, в наших обстоятельствах всякий жесткий режим обязательно перерастет в тиранию. Мы же незаконопослушная нация, так сложилось исторически, мы не понимаем даже разницы между свободой и волей... Конечно, постепенно все это будет видоизменяться. Но времени нужно много, сил много, трагедий много...

А что уезжают интеллигенты... Я не судья им, никогда не был судьей. В декабре посетил Израиль, давал много концертов.

Шла в основном та публика, которая слушала меня здесь. Понимаю, дело не во мне, а в ностальгии, которая очень сильна. Она их вела. И среди многих записок получил одну, которую хочу процитировать. Страшная записка. Я всю жизнь мечтал уехать в Израиль, пишет незнакомый мне человек. Долго не выпускали. Наконец я выехал с семьей. Устроился. У меня прекрасная профессия, я замечательно живу. Отличный дом, машина, дети мои счастливы. Но я понял, что проиграл... Как тут судить? И думаю я уже не столько об этом человеке, сколько о жизни нашей, которая толкает людей на такой трагический шаг. Об этом и стихи:

Посвящается генералу М.
Все умирает,
только он живет,
два века прочь,
а он здоров и выжил,
по облику не то чтоб идиот,
а вот поди ж ты,
в генералы вышел.

По-прежнему тяжки
его шаги,
по-прежнему мерзка
ему свобода,
опять мasonry для него враги
и демократы из его народа.
Хоть и слышны напевы
новых труб
и о свободе пламенные речи,
но... депутатом
избран Скалозуб,
а значит, нам
до праздников далеке.

Или вот это:
Чувство меры
и чувство ответственности
не знакомы унылой
посредственностью.
Сладость жертвы
и горечь вины
ей несвойственны и не даны.
Потому-то
посредственность эта
не выносит
полдневного света,
так и тянет ее в темноту...
И знамена кровавого цвета
прикрывают ее наготу.

О ТВОРЧЕСТВЕ

— Почему сейчас в литературе нет значительных произведений? Такие сдвиги, такие катаклизмы в обществе, и запретов нет, а тут... застой. Думаю, что это тоже растерянность, должно пройти время, чтобы все осмыслилось. Многие достойные, талантливые люди потеряли ориентиры, даже материально оказались в очень трудном положении... А во-вторых, много

ли у нас настоящих, действующих литераторов? У нас в основном члены союза, а не писатели. Вот разговариваю с одним таким молодым поэтом и спрашиваю: чем вы зарабатываете на жизнь? Отвечает: пишу стихи. Разве это дело? Ты пойди поработай, в издательство, в газету, преподаванием займись, бизнесом, наконец. А ночью стихи пиши, как делают многие в мире. Тогда и писать будет о чем...

Суетиться не надо, вот что. Я писал стихи, а потом вдруг начал писать песни. Мне говорили: как тебе не стыдно, у тебя же были хорошие стихи, зачем тебе гитара и все это? Но я продолжал. Потом начал писать прозу. Говорят: слушай, у тебя такие хорошие песни, зачем тебе романы? Не слушать надо, а делать свое дело. И сейчас вот сижу и пишу автобиографическую повесть, хочу открыто рассказать о себе. В общем-то любая литература — это рассказ о себе, о чем бы ни писал писатель. Делай свое дело, а Бог и время скажут — хорошо это или плохо.

Много сейчас разговоров об авторской песне: продолжает она жить или умирает, что уготовано ей в будущем? Думаю, как всякое явление в искусстве, этот жанр просто пережил себя, исчерпал. И надо это понимать, и воздать должное тому, что было, и судить по законам того времени. Вот, например, как театр, как общественное явление Таганка уже не та, что была. Время переменялось, запросы другие. Но спектакли ставятся, публика ходит, аншлаги. Однако прежней Таганки уже нет. То же в свое время произошло со МХАТОМ. И это нормально. И переживать по этому поводу особенно не нужно. А если вернуться к авторской песне... Люди продолжают сочинять, поют свои стихи. И печалиться, и радоваться это еще будет. Но что-то в существо самого жанра должно теперь, видимо, перемениться.

— А не тревожит ли вас, Булат Шалвович, современная массовая культура, когда музыкой, как ключом, открывают душу и вбивают туда вот этот бессмысленный «эскадрон мыслей шальных»?

— Думаю, что это болезненно. И как всякая болезнь пройдет. Когда я только начал выступать и была у меня некоторая извечность, приходило много публики. Но я прекрасно знал, что среди них совсем немного ис-

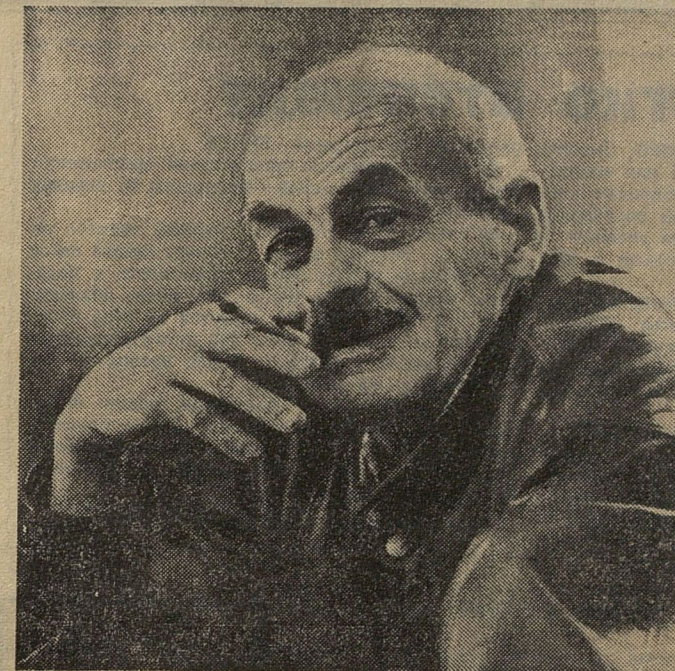
тинных ценителей поэзии. Бум сошел, кончился, но эти немногие остались... И будут всегда. Разговоры о гибели поэзии несерьезны, никакая маскаultura ее не убьет.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ И ДРУГИЕ ГОДЫ

— Сейчас много разговоров о шестидесятниках: кто-то превозносит их, кто-то осуждает. Честно говоря, уже надоела эта проблема. Ну кто такие шестидесятники? Наверное, люди, которые начали свою общественно значимую деятельность в шестидесятые годы. Так? Тогда как же расценить такой факт: молодой, тридцатилетний критик в одной из своих статей просто кричит им: уходите, освободите место! Я хочу его спросить: мое место, зачем? Мест много, займите, пожалуйста, свое. В общем-то понятно: молодые люди, еще не ставшие на ноги, с комплексом неполноценности — на кого же им обрушиться, если не на тех, кто шел раньше? Так же поступали футуристы, обычная проблема отцов и детей. Но откуда такая ожесточенность? Когда мы были молодыми, мы не собирались занять место Антокольского, Паустовского, Каверина, искали свое...

А шестидесятники, конечно, тоже не святые люди. И судить их надо по законам их времени. Да, они не были революционерами, баррикад не строили, бомб не бросали. Хотя некоторые и выходили в шестьдесят восьмом на Красную площадь — а это требовало немалого мужества. Был Андрей Дмитриевич Сахаров, были Буковский, Гинзбург — они много сделали...

А ожесточенность, видимо, от нынешнего трудного времени.

Все растерялись, отсюда агрессивность, нежелание понять другого, боязнь опоздать. Вот у меня такое ощущение, что я живу в чужой стране, в незнакомом мне обществе. Хотя я несколько не жалею, больше того, счастлив, что время переменялось, и лишь себя виню в том, что не могу легко в него вписаться — у меня свои стереотипы, свои привычки — сразу видоизмениться невозможно. Но молодые должны легче приспосабливаться, и агрессивность им только помешает.

Нынче некоторые утверждают, что Россия была идеальным государством и только в семнадцатом ее сбили с пути. Нет, не так это. У нашей страны глубокая и сложная история, и рядом с положительным немало в ней отрицательных, сложно объяснимых явлений. Были в России и пьянство, и воровство... А за 75 наших лет мы только усугубили все дурное. Создали «простого советского человека», который не умеет самостоятельно мыслить и очень удобен в управлении. Разве быстро и легко можно все это преодолеть? Иногда думаю: уж не возмездие ли то, что происходит сегодня, за наши несправедливые дела...

Но я верю в лучшее, верю, что все будет хорошо. Эта разобщенность, это безумие пройдут. Есть защитные силы как в обществе, так и у каждого человека. Они должны сработать в эту трудную минуту. И хорошее, доброе, что заложено в истории страны, в каждом из нас, спасет. Не может не спасти.

Встречу в редакции записали
Николай КИШКИН,
Надежда НАДЕЖДИНА,
Фото Николая ПРИВАЛОВА.